

Иногда находил в глухомани
Грязно-жёлтых крупинок струю,
Вот тогда и показывал парень
Безудержную удасть свою.
Блеск-сапожки, пиджак из бостона -
Кто тут скажет, что это босяк?!
И в трактуре под вой граммофона
Рассыпал он, как просо, червонное,
Угощая вином всех и вся.
Пел, плясал в кумачовой рубахе -
Вот, мол, я, поглядите каков!
И стонали трактирные плахи
От нетрезвых его каблуков.
Всё кончалось печально и просто:
После денег, веселья и карт,
В чьём-то грязном тряпье не по росту,
Шёл бедняк в синяках и коростах
За удачей с названием «фарт».

АЛЕКСЕЙ ВОРОНКОВ

прозаик, поэт, публицист. Родился в 1947 в с. Ромны Ромненского района Амурской области. Окончил суворовское училище в Уссурийске и институт иностранных языков в Иркутске. Работал учителем английского языка, преподавателем в педагогическом и медицинских институтах в Благовещенске.

Член СП России. Автор 13 книг прозы и стихотворений.

Живёт в Благовещенске.

ДВА ИВАНА

У меня есть два соседа -
Два дедка. И, как ни странно, -
Одногодки те два деда,
А к тому же - два Ивана.

Первый сыт, при нём старуха,
Есть два сына и три внука.
Тёзка - сыч, в душе разруха,
А в глазах пустынь и мука.

Первый рос и вышел в замы.
Он вальяжный и степенный.
У другого только шрамы
И изрезанные вены.

Он всю жизнь искал чего-то -
То ли правды, то ль острога.

*И была его работа -
Нас, людей, любить и Бога.*

*Защитал Иван без меры
Тех, кто слаб, но почему-то
От его христианской веры
Было муторно кому-то.*

*Оттого все эти драмы -
Тюрьмы, высылки, этапы.
Вот оттуда эти шрамы -
Будто б след звериной лапы.*

*Вот оттуда в ключья вены...
Жизнь мертва, коль правда в клетку.
Ну, а тот Иван - степенный -
Драмы видел в жизни редко.*

*Жил себе в чинах и славе,
Баб любил, вино и баню.
Это он впервой отправил
На этап соседа Ваню.*

*Он грозил всем «вражским мордам»
Не острогом, так расстрелом.
Это тень его над моргом
Да над кладбищем висела.*

*А когда пора настала
И в тираж служивый вышел,
Получил он льгот немало,
Сам сказал, что - выше крыши.*

*Всё прекрасно у Ивана -
Лет до ста прожить он хочет.
Всё путём, не эта б «рана»,
Что за стенкой кровоточит.*

*Там, за стенкой, - боль и мука,
Ни шиша - одна разруха.
И ни сына, и ни внука,
Правда, тоже есть старуха.*

*Там Иван. И здесь... Их двое.
Век свой тихо доживают.
Тот, что зек, всё волком воет
И соседу жить мешает.*

1998

И я поплыву по волнам, словно старая лодка;
Я скрипом уключин больных разбужу берега.
Стакан на дорожку - и с Богом. И ялик мой ходко
Помчится туда, где с волнами сошлись облака.
И я поплыву. Мне нельзя оставаться - мне надо!
Мне душно и страшно в недобрых пустых городах.
О воля и волны! Желанная Божья награда...
Скорей бы, скорей заблудиться в солёных ветрах!
Прости меня, Русь, за мою непокорную душу,
За все мои муки, за то, что покуда я есть.
Бегу не от правды, боюсь, что однажды не сдюжу
И сам превращусь то ли в жертву, то ль в страшную мечь.
О, родина милая! Солнце и синие дали,
Берёз белокружье вдоль пашен и заводи рек.
О как мы устали, о как мы без веры устали,
О как же устал от беды бесконечный наш век.
От глупостей наших устал он, от войн и от шума,
От бунтов жестоких, от лжи, от кровавых утех.
Но разве кто думал, но разве ж, скажите, кто думал,
Что жизнь на земле превратить можно в пытку и грех?
Но я поплыву... Догоняйте меня, мои друзья!
Я всех заберу, никого не оставляю в беде.
А там, впереди, меня ждут уже долгие вьюги
Да чьи-то былые следы на кровавой воде.

1999

ВЯЧЕСЛАВ ВШИВКИН

БАМ. Тында.

НОВЕНЬКИЙ

В тайге посёлок - горсть вагонов,
А в каждом места - на троих.
Живут здесь тридцать Робинзонов,
А я как Пятница при них.
Что делать - новенький на БАМе -
На вахте в стужу не потел
И у костра, стуча зубами,
Охришим голосом не пел.
Но я старался быть похожим
На тех парней и не ловчил,
Как говорится, лез из кожи
И стройки грамоту учил.
Мне первый мост неделю снился,
Где я в мороз болты крепил.
Озноб, как чёрт, в меня вцепился,
В тепло уютное тащил!